

Suhrkamp Verlag

Leseprobe

Stepanova, Maria
Der Körper kehrt wieder

Gedichte
Russisch / deutsch Aus dem Russischen von Olga Radetzkaja

© Suhrkamp Verlag
978-3-518-42967-9

SV

Maria Stepanova

Der Körper kehrt wieder

○ ○ ○

Gedichte
Russisch und deutsch

Aus dem Russischen von Olga Radetskaja

Suhrkamp

Der Zyklus »Der Körper kehrt wieder« wurde dem Band *Staryj mir. Počinka žizni* (2020) entnommen. Die anderen Zyklen sind 2015 unter dem Titel *Spolia* (2015) ebenfalls bei Novoe Izdatel'stvo in Moskau erschienen.

Die Übersetzerin dankt dem Deutschen Übersetzerfonds für die großzügige Förderung ihrer Arbeit. Großen Dank auch an Gabriele Leupold, deren Unterstützung diese Arbeit beflügelt und befruchtet hat.

Erste Auflage 2020

© Maria Stepanova, 2015, 2020

© Suhrkamp Verlag Berlin 2020

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das des öffentlichen Vortrags sowie der Übertragung durch Rundfunk und Fernsehen, auch einzelner Teile. Kein Teil des Werkes darf in irgendeiner Form (durch Fotografie, Mikrofilm oder andere Verfahren) ohne schriftliche Genehmigung des Verlages reproduziert oder unter Verwendung elektronischer Systeme verarbeitet, vervielfältigt oder verbreitet werden.

Satz: Greiner & Reichel, Köln

Druck: GGP Media GmbH, Pößneck

Printed in Germany

ISBN 978-3-518-42967-9

Der Körper kehrt wieder

○ ○ ○

Der Körper kehrt wieder

ТЕЛО ВОЗВРАЩАЕТСЯ

○

Z

Комната надо очистить / пространство надо прибрать

Y

Так говорит поэзия, живущая в Канаде, в женском теле,
по-английски
Так она говорит: once cleared the room writes itself

X

Что делать дальше,
Комната вычищена до блеска,
Прибрана до кости, до костного мозга, должна написать себя,
никто никому не пишет

W

Где они, где мужчины, подобные Арею,
Поднимавшие стропила, не вмешавшиеся во врата,
Где их костный мозг, сладостные конечности,
где их зубы и языки,
На какие элементы они разложились

V

Глубоко под землей, в ее огородной клетке
Клетки продолжают делать новые клетки

Z

Das Zimmer muss leergeräumt werden / Der Raum in Ordnung
gebracht

Y

So spricht die Dichtung, die in Kanada lebt, in weiblichem Körper,
auf Englisch

Spricht sie so: *once cleared the room writes itself*

X

Und jetzt wie weiter,
Das Zimmer ist leer, blitzblank,
Aufgeräumt bis auf die Knochen, aufs Mark: muss sich selber
schreiben, keiner schreibt keinem

W

Wo sind sie, wo sind die Männer gleich Ares,
Die Dachstühle hoben und Tore sprengten,
Wo ist ihr Mark, wo die süßen Arme und Beine,
die Zähne und Zungen,
Zerfallen in welche Elemente

V

Tief in der Erde, in ihrem Küchenbeetkäfig
Schaffen Zellen Zelle um Zelle, verströmen

Исходят яблочной пеной, когда земля собирает свой урожай
Подземными реками шарят в поисках устья
То, что было семенем, пробует себя семенами

У

Вечную мерзлоту обдаст весна,
Как струя горячей мочи
Плавит лед,
Подо льдом будоражит буквы, желтые и зеленые,
И вот, когда слепощарые ветки водят по свету,
Поэзия, говорившая по-датски, лежащая под землей,

женская,

Т

Мертвая как многие, почему-то живая,
Карамелькой она плавится за холодной щекой глинозема,
И прав у нее не больше, чем у тех, кто лежит под другим
кустом,

Кто все, что помнит, это свое отраженье
В плоском лице медной военной фляги.
Слух истёк,
Им нечего больше слышать.

С

Там, где было ухо, теперь земля,
Обнимающая место не-слуха.
Там, где было рот, теперь усилие корней
Стать истоком роста.

Apfelschaum, wenn die Erde ihre Ernte einbringt
Tasten im Dunkeln wie unterirdische Flüsse nach einer Mündung
Was Same war, versucht sich als Aussaat

U

T

5

Wo Ohr war, ist Erde geworden:
Sie umarmt den Ort des Nichthörens.
Wo Mund war, ist das Bemühen der Wurzeln,
Quelle von Wachstum zu werden.

Мертвая поэзия говорит, она говорит:
»Я пишу как ветер«.
Она/они/другие они/многие до и после
Лежат, ветра там нет, что там есть, почему им ветер.

R

Разрой мерзлую землю, потрогай мертвую песню.
»Под низким небом«, говорит еще одна,
Жившая в той же Канаде, лежащая в чьей-то земле –

С сентября 1922 года зерно ее тела
Принесло, наверное, много плода: »Под низким небом
Я видела тысячу марширующих Иисусов«.

Что они делали, спрашиваем мы, стоящие на обочине.
Они маршировали.
Они пели.

Q

Зимой 1918 года в Петрограде
Поэзия перестает слышать что-нибудь, кроме
Постоянного шума:
Ритмического нарастающего гула,

И если выглянуть в окошко
(поля продлеваются, в них лежат и лежат и лежат,
затылки запрокинуты,
языки застыли)

Die tote Dichtung spricht, sie sagt:
»Ich schreibe wie der Wind.«
Sie / die andern / die vielen davor und danach
Liegen still, es gibt keinen Wind dort, was gibt es denn, und was
soll ihnen Wind.

R

Reiß die gefrorene Erde auf, rühr an das tote Lied.
»Unter dem niedrigen Himmel«, sagt eine andere,
Auch sie in Kanada lebend, in jemandes Erde liegend –

Seit September 1922 hat das Korn ihres Körpers
Bestimmt viele Früchte getragen: »Unter dem niedrigen Himmel
Sah ich tausendfach Jesus marschieren.«

Um was zu tun, fragen wir, die am Wegrand stehen.
Marschieren.
Singen.

Q

Im Winter 1918 in Petrograd
Hört die Dichtung nichts mehr, nur noch
Unablässiges Rauschen:
Ein rhythmisches Dröhnen, immer lauter,

Und draußen vor dem Fenster
(endlose Felder, dort liegen und liegen und liegen sie,
die Köpfe im Nacken,
die Zungen verstummt)

Мы увидим, метель, как тюлевая занавеска,
Делает знак: в комнате стало достаточно чисто.

Р

И тогда,

И когда приоравливаешься к отсутствию цвета
И к пиксельному мельканию вещества
И к ружейным выстрелам, доносящимся с перекрестков,

Где до событий торговали газетами,
И каждый пятый цветок отдавали бесплатно,
Смазывая товарно-денежные отношения
Молоком человеческой нежности,
Еще не имевшим цвета,

Приглядевшись, мужчина с его поэзией видят ясно:

Здесь присутствует Кто.

О

Как если бы ветер (я пишу как ветер)
Отрицал человеческое участие

Как если бы комната была выскоблена до кости:
И что осталось после зачистки?

Как если бы ухо мира,
Его огромная воронка, описанная по-русски в 1837м,

Sieht man, der Schneesturm, tüllvorhanggleich,
Gibt uns ein Zeichen: das Zimmer ist jetzt leer genug.

P

Und dann,

Und wenn man sich an die fehlenden Farben gewöhnt hat
Und an das Pixelgeflirr der Materie
Und an die Schüsse auf den Kreuzungen,

Wo vor dieser Sache die Zeitungsjungen standen,
Und jede fünfte Blume gab es gratis,
Um den Geld- und Güterkreislauf zu schmieren
Mit der Milch der Menschenliebe,
Die noch ohne Farbe war,

O

Als wollte der Wind (ich schreibe wie der Wind)
Jeden menschlichen Anteil leugnen

Als wäre das Zimmer ausgeschabt bis auf die Knochen:
Was bleibt nach der Säuberung?

Als würde das Ohr der Welt,
Sein riesiger Trichter, auf Russisch beschrieben 1837,

По смерти Пушкина, написано непушкиным,
Ловило и передавало одно и то же.

Вот Блок и говорит, как матушка Гусыня,
Что в белом венчике из роз впереди Иисус Христос.

Так и было.
Но кто поверит гусям.

N

Лежат, расстрелянные, в оврагах, полных звезд и черемухи

Лежат в болотах, подобные стеблям, подобные рыбам в
консервных банках

Лежат под берегами, под озерами, под автобанами,
Под пастбищами для коров свободного выпаса
Под ногами овец, охотно дичающих,
Умеющих быть без участия человека,

Лежат под многоярусными парковками,
Под взлетными полосами аэропортов,
Где тонкий лед скрепляет пальцы травы,
Где синие огни расставлены разумно,
Где мощные веши летают без наших рук.

Где мое тело, говорит средний слой земли,
Ее средний класс: мертвый, не успевший родиться.

Nach Puschkins Tod, von einem Nichtpuschkin,
Ein und dasselbe empfangen und senden.

Drum sagt auch Blok, wie Mutter Gans,
Vorne gehet Jesus im weißen Rosenkranz.

Und so war es auch.
Doch wer hört schon auf Gänse.

N

Sie liegen, erschossen, in Gräben voller Sterne und
Traubenkirschblüten
Liegen in Sümpfen, wie Grashalme, Sprotteln in Öl,

Liegen still unter Küsten, Seen und Autobahnen,
Unter Freilandkuhweiden,
Unter Wiesen mit leicht auszuwildernden Schafen,
Die keines menschlichen Anteils bedürfen,

Sie liegen unter Parkhäusern,
Unter Start- und Landebahnen,
Wo dünnes Eis dem Gras die Finger festhält,
Wo blaue Lichter klug verteilt sind,
Wo gewaltige Dinge fliegen ohne unser Zutun.

Wo ist mein Körper, sagt die mittlere Schicht der Erde,
Ihre Mittelschicht: die tote, noch ungeborene.

M

Я сказал, говорит поэзия, и знает, что говорит:

Я сказал – вы боги, и сыны Всевышнего все вы,

Вы же падаете, как дураки:

Как обычные князья и полководцы

(политики и аристократы,

а также представители крупной буржуазии),

как обычные смертные люди,

словно нету ничего проще

паденья и развоплощенья.

Вы все время умираете,

Словно это нормальное дело.

Не пора ли взять себя в руки?

Не сделать ли усилие,

Говорит поэзия из-под земли, дыша в камышинку.

L

Давай соберем это тело заново

(ножки в Медведково, попка в Чертаново)

Вечный огонь горит, пожирая павших,

Неучтенных, ненайденных и пропавших.

Не отдавай ему эти клетки, клеточки,

Нервные окончания, капиллярные сеточки,

Ребристое нёбо, пух паха и прах пуха,

Нежные перегородки ума и слуха:

M

Ich habe gesagt, spricht die Dichtung, und sie weiß, wovon sie
redet:

Ich habe gesagt, ihr seid Götter, ihr alle seid Söhne des Höchsten,

Und fällt wie die letzten Idioten:

Wie gewöhnliche Fürsten und Heerführer

(Politiker, Aristokraten,

desgleichen Vertreter des Großbürgertums),

Wie gewöhnliche Sterbliche,

Als wäre nichts leichter

Als Fall und Zerfall.

Andauernd sterbt ihr,

Als wäre das ganz normal.

Vielleicht reißt ihr euch mal zusammen?

Strengt euch ein bisschen an,

Sagt die Dichtung von unter der Erde, den Schilfthalm im Mund.

L

Komm, sammeln wir diesen Körper gemeinsam ein

(am Kreml den Po, am Stadtrand draußen ein Bein)

Das Ewige Feuer brennt, es verschlingt die Toten,

Die Verschollenen, Vergessenen, Vermissten, die Weißen und

Roten.

Bewahr sie vor ihm: jede große und kleine Zelle,

Gefäßgeflechte, Synapsen und Trommelfelle,

Das gerippte Gaumengewölbe, den mulmigen Leistenflaum,

Gehör und Verstand und dazwischen den zarten Saum:

Как мы с тобой соберем их на страшный суд?
Кости твои не знали, что их спасут.

Мешочки с семенем, всё, что тело съело,
Железо, за век ставшее частью тела,

Части тела другого тела, лежащего здесь с прошлого века,

Вместе они составляют нового,
Еще не существовавшего человека.

К

Поэзия, многоглазое нелепое
Естество о многих ртах
Находящееся одновременно во многих телах,
Побывала до этого во многих других телах,
Ныне лежащих *на сохранении*
Как то, что должно родиться

(Но в любой момент археологическая
экспедиция,
любопытный пастух,
дюжина студентов в шортах
могут вынуть тебя из земли,
как недоноженного младенца,
и будут засовывать пальцы тебе
в обеззубленный рот)

Судя по количеству фосфора в этих костях,
Поэзия, говорившая по-английски, съела немало рыбы.